

Олег Бреский

## ПОНИМАНИЕ, ПРЕПОДАВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА

Oleg Bresky

### Understanding, teaching and applying law

The article is devoted to the problems of the integrated vision of the law as a practice and profession, on the one hand, and as an education, on the other hand. The article defines the conditions for combining and interdependence of the two areas that form the phenomenon of law in the context of their non-synchronous development in the contexts of the processes of social differentiation and commodification.

### I.

Герберт Харт утверждает, что право – это прежде всего система; сердцем этой системы является комбинация первичных норм (обязательств) с вторичными нормами (понимания, изменения и применения права) (Харт 2007: 78). Даже нормативисты не могут не признавать непосредственного значения, какое имеют для права его понимание, интерпретация и преподавание, т.е. такие его элементы, которые не являются нормами, но без которых не существует и само право. Эти основания связаны непосредственно со структурами мышления. Ганс Кельзен такого рода связь норм с вненормативными основаниями обозначает понятием «основной нормы», которая является мысленным произведением, продуктом нашего сознания для обоснования всего правопорядка в целом<sup>1</sup>. Основная норма обеспечивает легитимность

---

<sup>1</sup> Если право применяется неким правовым органом, то такой орган должен установить смысл применяемой им нормы, т.е. истолковать эту норму. Толкование есть духовная деятельность, которая

и рациональность правопорядка. Правовые нормы погружены в процесс понимания, образуют с ним одно целое, зависят от способов и приемов понимания. Потому право в целом непроизвольно, оно представляет собой сложную систему, которая помимо норм, судов, адвокатур и других учреждений, обеспечивающих практику, включает и университеты, и правовую теорию, и понимание, а также создание особенной мыслительной ситуации, необходимой для понимания. Более того, в деятельности самих судов и деятельности законодателя обнаруживаются области, требующие, прежде всего, понимания, а следовательно, обнаружения смысла и его достижения.

Право сложно по природе. И потому научение ему сложно. Оно может быть представлено как техническое обучение, будучи сфокусированным на практиках применения, но одновременно оно может быть проявлено как обучение комплексное, системное, где университет – органическая часть общества, составная и важнейшая его часть, не выполняющая определенной функции.

Для понимания происходящего в области юриспруденции необходимо различать эти две сферы – академии и юридической практики, профессии. Они не тождественны, базируются на разных основаниях и по-разному работают в обществе. Университет и юридическая профессия могут развиваться несинхронно, поддерживать самое себя, могут существовать как изолированные институты, самоценные и самодостаточные, вне контекстов и вне основных проблем, стоящих перед отдельными людьми и обществом.

\*\*\*

Современные процессы в юридическом образовании и юриспруденции обусловлены эпистемологическими проблемами, связанными с «объективным пониманием» действительности. В XIX–XX веках в рамках позитивизма право объективизировали, представляли его как существующую вне отношений и социальных контекстов самодовлеющую реальность. В это время право перестают «открывать», его «создают» или «конструируют», оно оказывается произведенным инструментом наподобие ножа или комбайна. Именно с этого же времени по отношению к праву применяют слово «система», т.е. нечто, состоящее из определенного количества элементов, допускающих достаточно большую гибкость в действиях над собой, без потери своей сущности. Нож остается тем же ножом и в руках искусного повара, и в руке жестокого убийцы. Но справед-

---

сопровождает процесс нормотворчества в его движении от вышестоящей к низестоящей ступени. В обычном случае, случае толкования закона, необходимо ответить на вопрос о том, как из общей нормы закона выводится соответствующая тому или иному конкретному факту индивидуальная норма судебного решения или административного акта (Кельзен, 2015: 421).

ливо ли такое же утверждение по отношению к праву? Не изменяется ли его существо в случае перемены отношения к нему со стороны субъекта, наблюдающего право или право использующего? До XVIII–XIX веков к праву применяли слово «corpus», «тело», подчеркивая его единство, органическое и природное, лишённое механических и произвольных соединений. Гарольд Берман посвящает исследованию этого термина особое место в своем труде о западной традиции права (Берман 1998). Corpus Juris Civilis – грандиозное произведение, понимаемое как единое целое, существующее во времени, но не имеющее временного характера, обладающее возможностью отвечать на вызовы, способное к изменениям, давшее нам современный университет, научный метод познания и все современные правовые системы. Как тело, право подвержено кризисам и болезням, которые также могут быть несовместимыми с жизнью. Такой подход позволяет говорить о естественных пределах права как явления. Тело предполагает его тождественность во времени, его целостность даже в присутствии противоречий, его автономность даже при чрезвычайном давлении на него политики, или экономики, или религии. Такого рода целостное понимание мира и его элементов характерно для европейской культуры почти на всем протяжении ее существования. Составление *Сумм* и *Кодексов* – типичный подход к знанию, который характеризует эту традицию, стремящуюся к универсализму, всеобъемлемости и целостности, хотя то и дело обнаруживающую в себе противоречия и конфликты и рефлексирующую относительно самой себя и самой рефлексии. Как это выразил Владимир Набоков, «Being aware of being aware of being». Потому право пребывает как целостное явление, основанное на общих принципах, разумное, подчиненное определенным закономерностям, сообразное разуму и составляющее атрибут человеческой природы. Право узнаваемо, узнаваемо даже профанами. Для его различения не требуется ни специального образования, ни особых навыков. Но такого рода легко опознаваемая организация требует все-таки специальных методов глубокого ее познания; право неотделимо от мыслительных процессов.

Нормы права изначально связаны с методами их понимания и интерпретации, более того, с созданием специальных условий для понимания. Потому пониманию права необходимо учиться. Учиться не столько нормам, сколько способам обнаружения их самих и их смыслов. Университет связан в своих практиках и методах обучения именно с таким органичным видением права. Потому практика и теория неотделимы в юриспруденции, юриспруденция изначально – это не только практика, но и наука; язык является важнейшей составляющей юриспруденции. Право существует не только как конгломерат механически связанных между собой элементов, оно также – целое, необъяснимое свойствами составляющих его элементов. Такой подход изначально несет в себе известные ограничения, предохраняющие от поверхностного, технического и инструментального понимания права. В университетах Европы XII века назначение учебы

было определено как делание из просто человека «хорошего и совершенного человека, все члены которого были бы утонченными и находящимися в такой гармонии друг с другом, чтобы человек мог совершить духовное путешествие к Богу» (Alain de Lille 1973). Несмотря на секуляризацию образования, юридическое образование сохраняло до сих пор ориентацию на то, чтобы обеспечивать не только глубокую профессиональную специализацию, но и свой интегральный характер, связь социальных институтов с мышлением и знаниями, знаний с обществом, согласование собственных внутренних устремлений и убеждений со смыслом жизни. Это цели, которые всегда заявлялись университетом. Они являются и сегодня. Они часто сопряжены не только с определенным порядком, торжествующим и сияющим, но и с беспорядком тоже, и с сомнением. Сегодня большинство студентов испытывают огромные затруднения, когда им нужно прокомментировать слова набоковского Василия Ивановича из «Озера, башни и облака»: «он думал, что настоящая хорошая жизнь должна быть обращена к чему-то, к кому-то» (Набоков 1990). Фраза оказывается слишком непонятной, поскольку студенты познали «настоящую хорошую жизнь» как устроенную на ином типе, сопряженном со знанием, полным предвидением и контролем. Их мир подчиняется принципу уверенности. Университет по-прежнему может колебать этот мир тотальной уверенности и гарантий.

Право является институтом, не механической структурой. Право развивается не только практиками, но и теоретиками: оно открыто к жизненным ситуациям, связанным с интересами и проблемой статуса персоны, но также связано и с мыслительными экспериментами. Университеты и ученая корпорация с ее аналитическим методом и критическим мышлением выступают как необходимые элементы правовой традиции. Право, как никакой другой институт, знает и ситуацию, которую Ницше называл нигилизмом, – такого рода состояние реальности, когда ценности, какими бы высокими они ни были, перестают определять нашу реальность. Право способно открывать для человека эту реальность, поскольку оно занято почти безнадежным делом – пытается создать нормативную ткань в социальных отношениях.

Связи между элементами права могут распадаться, практика и теория могут расходиться, находиться в состоянии взаимного напряжения, непринятия, развиваться параллельно, несинхронно, быть слепыми одна к другой, подверженными коррупции, одна из них или обе вместе могут претерпевать упадок и распад, право может быть подвергнуто процессу механизации и представлено как набор технических средств либо беспомощной, немощной, скучной донельзя теорией, исполненной прописными банальными истинами. Что происходит в этом случае? Как такого рода ситуация расхождения и отсутствия синхронности между разными компонентами юриспруденции отзывается на ней как системе? И как в ситуации изменений эпистемологии восстанавливать баланс и гармонию между академическим подходом к праву, систематическим знанием о

праве и практическими навыками в области права? Нет никаких гарантий того, что эта задача вообще может быть решена.

\*\*\*

Право во многом является институтом, схожим с университетом, который его и порождает. Право требует хорошего университета. «Хороший университет» – это один из принципов *Magna Charta Universitatum*, т.е. университет, независимый от политических властей и экономического давления, действующий в целях своего предназначения вне географических и политических границ и утверждающий жизненную потребность людей в познании, мышлении и взаимодействии друг с другом. Университет обеспечивает и основные характеристики права: оно также аполитично, доминирует над политикой и целесообразностью любой природы, универсально и адаптивно к любой культуре. Именно эти свойства позволили западному праву стать, с оговорками, действительно универсальным и повлиять на все существующие правовые традиции. Право, даже развиваясь последние 200 лет в основном в границах национальных государств и будучи подвержено политизации, обладает этими чертами.

В XVIII–XIX веках было выработано грандиозное видение университета как места, в котором движется и самореализуется спекулятивный Дух. Согласно Фихте, Шлейермахеру и Гумбольдту, словом, которое от дыхания, которое от духа, обеспечивается связь теоретического и практического разума. Однако после Второй мировой войны это видение стало неочевидным, в нем стали сомневаться. На место ученых пришли эксперты, которые не столько связаны со спекулятивным Духом, сколько с иными системами, такими как власть, экономика или системы управления. Если до Второй мировой войны университет выстраивался вокруг критерия «истинности», то затем непременно добавляют – «и эффективности». «Мир должен быть более надежным и предсказуемым, ты же должен быть максимально эффективен в этом мире», – таков общий слоган. Показатели эффективности имеют всегда денежное выражение. Именно в такое время, с конца 1980-х годов, реформируются университеты в Восточной Европе, где очень серьезно восприняли новую идею о том, что университет – это прежде всего экономический субъект и потому должен зарабатывать и быть потому ориентированным на спрос. В самом университете в Восточной Европе не было после социализма достаточных сил возражать или вносить корректировки в подобные представления и процессы.

Такое положение вещей вызывает следующий парадокс: с одной стороны, университет является одним из двигателей социальной дифференциации, в процессе дифференциации растет самостоятельность и саморегулирование профессии; с другой стороны, профессия склонна приобретать самостоятельное

значение, влияние на нее университета оказывается непрямым, более того, сама профессия способна оказывать обратное влияние на университет, подчиняя его жизнь и действие собственным нуждам и собственной рациональности.

Сложившийся сегодня образ юриста как профессионала – это образ успешного человека. Успешный человек – именно профессионал, не ученый и не философ. Он не хороший и не злой. Он эффективный. Но этот эффективный юрист по-прежнему выходит из стен университета, юристов продолжают готовить именно ученые и философы. И ученые, и философы не свободны от влияния на них профессии. Что произойдет, если ученые-философы превратятся в людей профессии? Какого рода юристы возникнут в этом случае?

Профессия порождает миф о «переучивании». Он распространен повсеместно сегодня; утверждается, что выпускников юридических факультетов приходится переучивать или доучивать при их поступлении на работу. Так утверждают юристы-профессионалы. И у каждого из них есть большой список упреков университетскому преподавателю или декану юридического факультета. Более того, большинство классических юридических профессий требует также в дополнение к диплому о высшем юридическом образовании держания специального профессионального экзамена перед комиссией, состоящей уже не из профессоров и доцентов, но из государственных чиновников и юристов-практиков. Но как именно переучивают юристов? Чему переучивают? Кто переучивает? Отучают ли выпускников от самоуверенности и теоретического взгляда на жизнь? Отучают от проведения схем, раздавливающих человека? Отучают от объективированного знания и определения себя самого как носителя последних истин и норм? Или просто обучают простым схемам, упрощают подходы? Сообщают технические навыки? Означает ли это, что университет теряет свое влияние, даже косвенное, на профессию? Что университет уже пал под диктатом профессии и общественного спроса? Или же что профессия посылает сигналы университету о том, что он находится в опасном, кризисном положении и что истинное требование профессии, обращенное к университету, – не становится придатком, а изобретать новые формы воздействия и взаимодействия с профессией? В своей критике дисциплинарных перегородок в университете не указывают ли Хайдеггер и Деррида на те шаги, которые должен предпринимать университет для самой возможности иметь какое-то значение в мире все выше растущих дисциплинарных перегородок и углубляющейся специализации и профессионализации? (Деррида 2003; Хайдеггер 1993)

Сейчас существует определенный зазор между временем окончания университета и временем начала карьеры. Университеты подталкиваются к подготовке модели выпускника, который способен выполнять работу сразу после получения диплома. Это создает давление на содержание образовательных программ, их структуру. Высокоразвитые страны сталкиваются с парадоксом: безработных больше среди образованных людей. Должны ли университеты под-

чиняться этим обстоятельствам, готовить к практике и конкретной узкой, направленной карьере своих выпускников? Это роль университетов? Ведь университеты никогда не готовили выпускников как специалистов, соответствующих конкретной работе, даже если речь идет о такой профессии, как юрист. Университеты, скорее, обеспечивают широкое умственное и личностное развитие, что позволяет выпускникам жить в мире, который постоянно меняется и требует инноваций и адаптации. Однако университет решает задачу определения профессиональных компетенций юриста, что отражается на учебном плане и на содержании курсов.

Университет является двигателем дифференциации общества, его усложнения, источником гуманизации, постановки и поддержания проблемных вопросов и их решения. Но процесс дифференциации фокусирует человека сначала на профессиональных функциях, а затем на узкопрофессиональных. Скажем, дескрипторы Министерства образования Литвы, описывающие требования к подготовке к юридической профессии<sup>2</sup>, выстроены в соответствии с гумбольдтовским видением существа университетского образования, предполагающим, что программа подготовки юриста должна обеспечивать интеллектуальное развитие выпускника, сообщать ему демократические ценности, гражданскую позицию и глобальную ответственность. Вместе с тем дескрипторы умалчивают о том, как объединить все эти разнообразные компетенции, необходимые для юриста, среди которых не только профессиональные, но и гражданские и личностные, как обеспечить взаимодействие и сочетаемость между собой этих различных компетенций. И это молчание создает ситуацию, в которой университеты подчиняются требованиям профессии. Потому что «быть профессионалом», эффективным и успешным – это понятная цель и установка. Значит, юрист должен в первую очередь обладать такими навыками, как решение правовых проблем, владение правовым анализом, включая теоретические исследования, коммуникативными способностями, включая консультационные навыки, ведение переговоров и выступлений в суде, владение системами планирования и повышения эффективности своей работы и работы с людьми, понимание и разрешение этических дилемм. Это требования профессии, компетенции, которые определяются профессией. Но какая роль в определении существа юриста принадлежит самим университетам? Насколько они способны поддерживать программу не только профессионального обучения, но и программу сохранения человеческого измерения в профессии? При обращении к гражданским и личностным навыкам язык дескрипторов становится все более невнятным и абстрактным. По существу, конечно, не чиновники Министерства образования виноваты в таком положении дел. Это общее состояние.

<sup>2</sup> Study fields' descriptors (CENTRE FOR QUALITY ASSESSMENT IN HIGHER EDUCATION). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.skvc.lt/default/en/quality-assurance/study-program-descriptions>

Современный университет, и университет в Восточной Европе, находится в ситуации, когда слишком очевидным является давление на него дифференцированного общества: заниматься профессией можно технически, усвоив часто не очень сложные навыки. Профессия может сталкиваться здесь с личными интересами, когда отстаивание индивидуальности и обретение смысла жизни находятся в области личного свободного времени, которое является намного более ценным, чем время, посвященное профессии. Сама профессия претерпевает огромные изменения, связанные с ростом потребности в гарантиях, в свободном личном времени и понижением уровня ответственности.

Правовые школы не вполне находят ответы на вопросы относительно того, как им следует быть, и в Дублинских критериях<sup>3</sup>. Школы права готовят людей ко множеству юридических профессий, и еще – для самих себя в качестве преподавателей. Часто возникает расхождение в оценке престижности труда юриста-практика и ученого, преподающего право. Некоторые программы определяются и развиваются потому как профессиональные, а не как академические, по подобию MBA. Но такого рода программы трансформируют полностью концепцию университета. Таким путем идет и Литва, учреждая профессиональные магистратуры. Нуждается ли юрист в неюридических дисциплинах? Какая программа подготавливает хорошего юриста? Как соотносятся программа подготовки юриста и практика? Кто определяет содержание учебных программ? Оказывает ли давление на содержание студент, выступающий как потребитель? Или такое влияние оказывают фирмы, являющиеся работодателями? Имеет ли значение ученая степень в области права? Какие области нуждаются в ученых? Такого рода вопросы приходится решать каждой юридической школе.

Определяет ли сегодня университет повестку дня при составлении учебных программ? Способны ли школы проводить адекватную экспертизу относительно предмета обучения? Насколько отдельные части программы являются органической частью целой программы? Как учебные программы юридических факультетов влияют на профессию юриста? Вырабатывает и может ли выработать университет образ своего выпускника и профессионала? Это те вопросы, которые должны стоять перед каждым юридическим факультетом.

Проблема соотношения между профессиональным и гражданским и гуманитарным компонентом в образовании носит гораздо более драматичный характер, поскольку накладывается на ситуацию расхождения между практикой, профессией и наукой. Образование, предоставляющее гражданские навыки, должно быть связано с гражданскими практиками, к примеру, как этого требуют дескрипторы. Но университетский подход – более космополитичный, чем гражданский, который ориентирован на национальное гражданство, и еще более кос-

<sup>3</sup> Qualifications Framework of the European Higher Education Area. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ehea.info/cid102842/qualifications-frameworks-in-the-ehea-2009.html>



мополитичный, чем политический подход. В праве и университете граждане находят верный и надежный источник идей о своих правах, статусе и притязаниях в публичной сфере. Но они это могут успешно делать, пока университет находится в гражданских отношениях непосредственно. Тогда люди в праве находят ответы на вопросы: кто тебя защитит в случае необходимости? К каким правилам следует обращаться? Надежно ли право как инструмент защиты моего притязания? Как мне следует защищаться? Как урегулировать конфликты? На подобного рода вопросы следуют неудовлетворительные ответы, если право не представляет автономной системы, если университет не обладает должной степенью свободы.

Университет, направленный на обучение профессии, обеспечивает стартовые позиции для юристов, минимальный уровень, необходимый им для понимания и решения профессиональных задач. Особенно это касается юридических факультетов в Восточной Европе: они готовят юристов, обладающих в основном техническими навыками. Почти 30 лет назад, во времена, когда я был студентом юридического факультета ведущего в СССР Московского государственного университета, его полушутя называли «ПТУ при МГУ». Такое положение не изменится так скоро. Характер обучения с опорой на технические умения сохраняется во многом в силу инерции образовательной системы. Профессия понимается как функция, она отделяется от личной жизни, может составлять «вторую» или «третью» реальность для человека, которая не смешивается и даже не пересекается с проблемами и вопросами, лично волнующими человека.

Потому дескрипторы, описывающие компетенции, сообщаемые юридическим образованием, не отвечают на все вопросы, которые встают перед юридическими школами; помимо нормативной заданности дескрипторов юридические школы находятся в ситуации изменений внутри юриспруденции как системы, которые носят глобальный характер и очень глубоки. Потому что и профессия, оказывая давление на университет и лишаясь его защиты, сама подвергается интервенции со стороны других систем. К примеру, Стивен Харпер замечает, что юридические факультеты в США всегда ориентировали студентов на то, что призвание юристов – это наиболее качественное представление интересов клиента (Harper 2013: 8). С 1980-х годов этот подход меняется: определяющим индикатором качества для юридических фирм и юристов становится доход, максимизация прибыли. Успешный юрист – это уже не только толковый специалист, а юрист именно с наибольшим гонораром. Кроме того, сами корпорации приобретают в это время огромное значение. Они ориентируются в своей кадровой политике на «лучшие университеты», «лучших выпускников». И корпорации нуждаются в надежных индикаторах, позволяющих определить качество этих самых университетов и их выпускников. Так появляются многочисленные рейтинги. Сами рейтинги согласно торжествующему подходу также разделяются на «посредственные» и «наилучшие» и «надежные». Так, даже профессия ста-

новится менее самодостаточной, менее ориентированной на собственную нормативность, превращается в функцию, чем оказывает еще большее давление на университет, который все менее самостоятелен в политике подготовки юристов. Профессия формирует заказ, ориентируясь на критерии экономического успеха, и университеты спрашивают у юристов-профессионалов: как нам вас готовить, как и чему обучать? Университет теряет веру в то, что он может развивать социально значимую программу и самостоятельно определять содержание учебного плана. Будучи представленной как элемент экономики, профессия сообщает и университету экономический характер. Университет становится предпринимательской структурой. Это глобальная тенденция. И даже наука выстраивается по логике предпринимательской структуры, вводя индикаторы, показатели и нормативы, подобные тем, которые существуют на производстве. Является ли все еще наука тем незаинтересованным исканием истины в дискутирующем сообществе, о чем писал в свое время Ф. Шлейермахер? Наряду с фундаментальной наукой сегодня существуют доминирующие прикладные исследования, основанные на технике более, чем на исследовательском творческом начале. Мир структурирован по законам научной рациональности, и в таком мире наука частью превращается в одну из функций социальной системы, теряет свое автономное и критическое начало и превращается в инструмент реализации не собственных целей. Такого рода изменения происходят в каждой из социальных подсистем.

\*\*\*

За последние 30 лет число юридических факультетов в Восточной Европе возросло в несколько раз, в Беларуси – в 5 раз. Сегодня 10 высших учебных заведений в Беларуси готовят юристов. Это по сравнению с двумя университетами 30 лет назад в коммунистической БССР<sup>4</sup>. Число студентов-юристов же увеличилось еще больше<sup>5</sup>. Это общие мировые тенденции. Но университеты не могут

<sup>4</sup> Каталог учреждений высшего образования Беларуси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.abiturient.by/universities>; Учреждения высшего образования по областям и г. Минску. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/obrazovanie/godovye-dannye\\_5/uchrezhdeniya-vysshego-obrazovaniya-po-oblastyam-i-g-minsku/](http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/obrazovanie/godovye-dannye_5/uchrezhdeniya-vysshego-obrazovaniya-po-oblastyam-i-g-minsku/)

<sup>5</sup> Получение высшего юридического образования первой ступени возможно по профилям образования «Коммуникации. Право. Экономика. Управление. Экономика и организация производства» (направления образования «Коммуникации», «Право» и «Управление») и «Службы безопасности» (направления образования «Общественная безопасность», «Военное дело» и «Судебная экспертиза») по следующим специальностям: «Правоведение» (квалификация «Юрист»); «Международное право» (квалификация «Юрист-международник со знанием иностранных языков (с указанием языков

расти так быстро, взрывной рост их числа означает потерю качества и ориентацию на пониженные стандарты обучения. Число квалифицированных преподавателей не может настолько увеличиться за столь малое время. Такого рода университеты не могут оказать положительное влияние на юридическую практику, а также на социальные отношения, они не производят новые модели общества, не могут быть они и источником влиятельной доктрины. Они не обладают должным авторитетом даже для студентов, которые в них учатся. Вызваны они к жизни экономическими причинами, спросом, на который был дан положительный ответ. Поэтому неизбежным является дефицит корпоративного представления о профессии, а также размывание представления об университете, который был и остается не столько обществом философов, сколько коммодификатором. Также изменяются и цели обучения, и сама философия образования. Когда университетом заявляется тезис о том, что «мы не знаем, кем вы будете в вашей профессиональной жизни», речь идет не только о росте числа профессий и усилении неопределенности в связи с ростом скорости социальных изменений, это один из показателей отказа университета от роли и значения генератора культуры и общих стандартов, он перестает определять правила жизни общества как в целом, так и в отдельных сегментах. Эта модель слишком далека от той формулы, которая очень верно отображает суть университетского образования: как то, что остается, когда все, чему обучали, забывается. Такого рода

---

общения)»; «Экономическое право» (квалификация «Юрист со знанием экономики»); «Государственное управление и право» (квалификация «Юрист»); «Правовое обеспечение общественной безопасности» (квалификация «Юрист»); «Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» (квалификация «Юрист»); «Политология» по направлению специальности «Политико-юридическая деятельность» (квалификация «Политолог-юрист»); «Управление подразделениями внутренних войск» (квалификация «Специалист по управлению – юрист»); «Судебные криминалистические экспертизы» (квалификация «Судебный эксперт – криминалист. Юрист»).

Образовательные программы первой ступени высшего образования реализуются 20 учреждениями высшего образования (УВО), из которых 15 являются государственными (10 УВО находятся в подчинении Министерства образования Республики Беларусь, 2 – Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 1 – Администрации Президента Республики Беларусь, 1 – Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, 1 – Министерства обороны Республики Беларусь) и 5 – частными. Подготовку по специальностям «Правоведение», «Международное право», «Экономическое право» и «Политология» (направление специальности «Политико-юридическая деятельность») осуществляют государственные и частные УВО, а по специальностям «Государственное управление и право», «Правовое обеспечение общественной безопасности» и «Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности», «Управление подразделениями внутренних войск» и «Судебные криминалистические экспертизы» – только государственные УВО. В 2011 г. выпуск по указанным специальностям составил 7204 человека, в 2012 г. – 6061 человек, в 2013 г. – 6457 человек, в 2014 г. – 5907 человек, в 2015 г. – 6450 человек, в 2016 г. – 6657 человек.

университет стремится обучать алгоритмам, упрощенному представлению о профессии и социальных процессах. Скорее всего, сам университет становится избыточным для профессии и рынка и существует скорее по инерции, нежели в силу необходимости.

Потому на повестке дня в Восточной Европе остается, пожалуй, самый главный вопрос о месте университета в социальной системе и об университете как социальной подсистеме, а также о принципах академической свободы и автономии. Университет взаимодействует с миром и обладает такой возможностью взаимодействия, поскольку окружен оградой из принципов академической свободы и автономии. Но что там, за этой оградой? Какова сегодня университетская жизнь? Она в самом деле способна оказывать воздействие на людей и структуры, находящиеся вовне? Каково слово университета? Позиция университета? Область реализации принципов свободы и автономии – наиболее политизированная область, принимающая на себя наибольшее напряжение в социальных процессах. Эффект возникновения подобной ограды всегда имеет двойственное значение: внутри нее оказывается возможным развитие начал некоего нового общества, но вовне этой ограды мир также меняется на собственных началах, не только потому, что того требует эта ограда, имеют место и другие факторы, не связанные с существованием университета. И процессы по обе стороны ограды не обязательно синхронизированы. Потому университет может подвергаться интерпретации со стороны внешнего мира, а может замыкаться в собственных структурах и программах и быть не вполне внимательным и чутким по отношению ко внешнему миру.

В этой области взаимодействия возникают несколько проблем, требующих пристального внимания. Одна из них – это положение членов академической корпорации и юристов как граждан определенного государства и одновременно как членов автономной университетской корпорации и представителей профессии, что определяет их одновременное пребывание в трудно согласуемых ситуациях – гражданского партикуляризма, профессиональной специализации, академического универсализма и космополитизма. Университеты должны быть чувствительны к каждой из этих областей, не снимая напряженности между ними. Вторая – это одновременное существование университета как генератора глобальной правовой культуры и универсальных ценностей, юридической профессии, направленной на определенные профессиональные, только ей присущие цели, – и возможность превращения и академии, и юридической профессии в коммодификаторов знания и культуры или, к примеру, агентов политики секьюризации, всегда вторичных и подчиненных потребностям более универсальных принципов выгоды и прибыли или контроля и уверенности.

Генератор глобальной культуры и универсальных ценностей производит социальную стратификацию и выполняет роль фронта, продвигающего людей на новые позиции, предоставляя им основания для действия, – помещает их в

новое место и наделяет определенной нормативностью. Коммодификатор же утрачивает функцию фронта, он передает роль фронтов каким-то иным институтам, поскольку становится одной из функций другой подсистемы – политики, экономики, религии, идеологии. Коммодификатор не может претендовать на роль генератора культуры, он утрачивает собственное место и позицию, в лучшем случае он может быть одним из факторов новой культуры, до этого времени невиданной. Университет и право могут терять свое самостоятельное значение в этом случае. Профессия может терять собственные уникальные основания и ориентиры.

Не за все процессы университет или право несут ответственность. Право иногда не справляется с вызовами, не может разрешить конфликт или проблему, не может предложить людям эффективную систему разрешения их конфликтов или проблем. История гражданских войн – свидетельство того, что право не является универсальным инструментом разрешения конфликтов, оно отстывает в некоторых случаях или оно может быть негодным инструментом при некоторых обстоятельствах. Иногда это конфликты непримиримые, к примеру когда люди начинают разговаривать друг с другом на разных языках, или у них возникает радикально разный образ будущего, или вдруг обрушивается вся их система ценностей, поскольку исчезают все предпосылки и условия их действительности. Очевидно, что можно представить систему, в которой регулирование отношений передается от права иной системе, например политической целесообразности или экономическому успеху или еще более специальным системам безопасности, уверенности и контроля. Возможным является и гражданское общество без правовой культуры. Право является именно элементом определенной культуры, производит именно культуру, не технику или свод правил – и потому оно не действует вне необходимого контекста и предпосылок. Любые правовые реформы или новации требуют также изменения предусловий для того, чтобы быть успешными. Университету потому требуется признание того, что между ним и гражданской культурой, между ним и профессией существует разница и что эту разницу нет смысла нивелировать, напротив, именно она залог того, что гражданской или национальной культуре, а также профессии можно будет придавать правовой характер либо любую гражданскую или правовую культуру можно цивилизовать. Это также означает, что обеспечение университетом «гражданских компетенций» и даже узкопрофессиональных компетенций не может иметь прямой характер и происходить в изоляции от иных социальных подсистем.

## II.

Я хотел бы здесь отступить несколько от основной темы и обратиться к тому, как университет возникает в Европе, вернее, как обнаруживает себя человек университета.

Общим европейским мифом являются средневековые крестьянские истории о трех персонажах: кузнеце, мельнике и шинкаре. Эти истории распространены от Португалии и Ирландии до Беларуси... И кузнец, и мельник, и шинкарь, с точки зрения крестьян, люди странные – живут они не от земли, не занимаются земледелием, а занимаются ремеслами, которые представляются крестьянам плутовством и магией на фоне мистерии произрастания животворящего хлеба из земли...

В те времена, когда святой Петр еще странствовал по земле, случилось ему однажды пройти мимо мастерской одного кузнеца. Кузнец этот заключил с чертом договор, по которому должен был принадлежать ему через 7 лет, взамен чего черт на всё это время обязался сделать его первым мастером в кузнечном деле. Договор был подписан обеими сторонами, поэтому над дверьми кузницы большими буквами было написано: «Здесь живет мастер над всеми мастерами»<sup>6</sup>.

Крестьянин опускает зерно в землю и полагается тем на Промысел, от которого зависит, будет ли голод или жизнь будет сытой, и от которого зависит счастье, достаток и жизнь этих общин и семей... Кузнец же разжигает огонь, опускает в него кусок железа и кует из него подкову. Делает он это сам – своими руками и в час, который сам избирает.

Это взгляд, обращенный крестьянином на кузнеца, – взгляд с поля, засеянного хлебом и подверженного изменчивой погоде, вредителям, ворам и проходящим войскам, на человека, ставшего вне Промысла и, значит, вне крестьянского мира и пожелавшего устраивать собственную жизнь на своем умении... Кузнец выходит за границы локального крестьянского мира, на него не распространяются многие жизненно важные для крестьянина нормы. Именно поэтому, находясь в крестьянском обществе, такой кузнец не может быть «плохим» или «хорошим»; он репрезентирует иной мир, который не поддается точному определению в рамках крестьянского мира. Потому крестьяне, рационализируя свой мир, в котором присутствует чуждый для него кузнец, утверждают связь кузнеца с нечистой силой, тем самым создавая и поддерживая границу своего собственного мира. Мир кузнеца уходит в тень. Вступая в крестьянское общество, кузнец должен жить по нормам крестьянского мира, доминирующего потому,

<sup>6</sup> Норвежские сказки. СПб.: Типогр. Высочайше утвержд. товар. «Общественная польза», 1898.

что именно крестьяне составляют общество и утверждают свою собственную нормативную систему. О такой локальной нормативной системе Н. Рулан замечает:

Право действует прежде всего в прерывном пространстве через посредство различных групп, которые и составляют общество... право отмечено печатью тайны: обычаи соседей, как правило, неизвестны, – и это неведение стараются сохранить как можно дольше, что облегчает применение устного права. И наоборот, история наших государств показывает, что оглашение права является знаком крупного социального потрясения (создание Законов XII Таблиц и борьба между патрициями и плебеями в Риме). Более того, каждая группа стремится создать свою правовую сферу... И наконец, право довольно часто бывает неопределенным и неимперативным (по двум идентичным спорам не обязательно могут быть вынесены одинаковые решения, положения обычного права могут не применяться, если стороны решат по-иному); право очень часто переплетается с мистическими и религиозными верованиями, которые иногда очень трудно различимы (Рулан 2000: 186).

Это мир неравенства и дискретности. На границах таких локальных миров стоят мифы, здесь, на границе мира, истощается право, рациональное мышление заменяется мифом. Для крестьян кузнец – это просто кузнец, тот, кто работает с огнем и металлом; его функция оказывается самым важным в его определении, в то время как сами крестьяне обладают именем, историей и характером. Вхождение кузнеца в мир крестьян возможно как вхождение чужака, и миф о его связи с нечистой силой поддерживает мир крестьян. О кузнеце изнутри мира крестьян нельзя вынести никакого морального суждения, потому что кузнец репрезентирует что-то за гранью «плохого» или «хорошего» – он репрезентирует «чужого». «Плохим» или «хорошим» кузнец становится только в сообществе кузнецов.

С XVI по XIX век – уже в таком выросшем мире смитов и миллеров – можно наблюдать, как развивается пастораль – также миф, основанный на взгляде уже общества кузнеца, мельника и шинкаря на крестьян. Первая пастораль была создана в центре нового общества смитов и миллеров – в Англии; автором «Эклог» (1515) был Александр Барклай. Пастораль умирает в Англии только в XVIII веке, когда появляются пародии на нее и пастораль обвиняют в отсутствии реализма, в том, что пастушеские картинки не походят на настоящую жизнь крестьян. Город открывает новую деревню в это время, а деревня сама становится лишь придатком города. Джордж Краббл в это время помещает в свою поэму «Деревня» (1783) реалистичные картины деревенской жизни. Новое общество не демонизировало крестьян, напротив, в пасторали крестьяне выглядят представителями рая. Крестьяне не искушали буржуа, подобно тому как кузнецы с мельниками,

все более и более автономные от земли и погоды и судьбы, искушали крестьян. Одно остается общим в этих мифах: крестьяне оставались в пасторальных столь же обезличенными, что и кузнецы в старых крестьянских сказках. Для горожан крестьяне выглядели также не вполне обычно – представлялись другим миром, и именно поэтому их можно было смешать и растворить в пейзаже. Это был способ нейтрализации тех, кто находился рядом, но не входил в городской мир, кто был не вполне понятен и кто не вполне вписывался в нормативность мира ремесленников и купцов. Крестьянин в пасторали – это «просто крестьянин» – функция без истории и имени. Таков, к примеру, крестьянин-беларус на картине Репина: сборный образ, хотя лицо и фигура картинного персонажа и принадлежали человеку, у которого было имя и история. Но на картине он остался лишь «Белорусом».

Чехов пишет в «Рассказе провинциала»:

Когда пришло время сеять овес, я пробовал доить, скородить, сеять, и делал всё это добросовестно, не отставая от работника; я утомлялся, от дождя и от резкого холодного ветра у меня подолгу горели лицо и ноги, по ночам снилась мне вспаханная земля. Но полевые работы не привлекали меня. Я не знал сельского хозяйства и не любил его; это, быть может, оттого, что предки мои не были земледельцами и в жилах моих текла чисто городская кровь. [...] когда я пахал или сеял, а двое-трое стояли и смотрели, как я это делаю, то у меня не было сознания неизбежности и обязательности этого труда, и мне казалось, что я забавляюсь. И я предпочитал делать что-нибудь во дворе, и ничто мне так не нравилось, как красить крышу (Чехов 1977).

\*\*\*

Но в городе развивалась не только пастораль, романтизовавшая «чужого». Кузнецы также демонизировали иных, не вмещавшихся в их общество, но появившихся уже в самом городском обществе. Восточная и Западная Европа, знающие одни и те же крестьянские мифы о ремесленниках, разделяются другим мифом, который знает Западная Европа и которого не сыскать в Европе Восточной, – мифом о Фаусте – лекаре и философе. Этот миф произведен уже не крестьянским миром, а городом, миром тех самых шинкарей и кузнецов, для которых деятельность Фауста является не менее странной и таинственной, чем для крестьян – деятельность ремесленников. Фауст – это миф о человеке науки, занимающемся вещами, странными и магическими уже с точки зрения кузнеца и мельника. Интересно, что если и кузнецы, и крестьяне в мифах о крестьянах или кузнецах не обладают именами, то схоляр в мифе об ученом именем наделен. Ученый – это Фауст, он уже не обозначается функцией, потому что сама



эта функция трудно определима, но обозначается именем, становящимся затем нарицательным. Его функции – довольно неясные, какой-то один термин не выражает ничего, потому что оказывается пустым. Такие персонажи обозначаются именем, которое гораздо лучше выполняет задачу обозначения и характеристики. Де Буа-Реймон так описывает образ классического академика:

академик старого типа – привилегированный вести умозрительную жизнь, далеко от шума рынка, от конфликтов агоры, отдаленный даже от приятной аудитории, в которой изредка читает лекции, заинтересованный исключительно в накоплении сокровища знания, в решении интеллектуальных задач, в расширении внутренних горизонтов (Finkelstein 2013: 448).

Схоляр сам ставит себя вне городского сообщества и, хотя подчиняется городским, или королевским, или республиканским законам, претендует на гораздо большую автономию и независимость, всегда подозрительные с точки зрения хорошего гражданина или подданного.

Можно уловить контуры этого отношения к схоляру уже у Рабле, который сам был академиком и знал это подсмеивание над схоластами Сорбонны, которые спорят в «Пантагрюэле» о незначительных и смешных вопросах. У Свифта, размещающего схоластов даже не в Башне Слоновой Кости, а на летающем острове, парящем над крестьянами и мещанами. У Гёте Фауст развивает целую программу, в которую и крестьяне, и горожане вовлекаются, как в некий процесс, который превыше всякого их хотения и соизволения. Фауст, остающийся тайной сам для себя, развязывает такие стихии, которыми уже и сам не в силах управлять. У Диккенса, у которого юрист оказывается наихудшим из наихудших персонажей его романов. У Домбровского, называющего устами одной из следовательниц-сотрудников НКВД юридический факультет факультетом ненужных вещей...

\*\*\*

Можно продолжить эту линию. Внутри университетского сообщества также рождается миф, которым это сообщество пугает себя. Это история о Чудовище Франкенштейна. О создании рук ученого, разрывающем границы человеческого, искусственно созданной человеком жизни. Более того, ставящем под сомнение само ученое сообщество и схоляра. История о таком создании рождается почти одновременно с появлением современной учености. Арнольд из Виллановы, по этим преданиям, создал первого гомункула. Ученик Фауста Вагнер также выращивает гомункула. Гомункул живет в колбе, он не может жить вне колбы. Из колбы доносится его голос и распространяется сияние. Это пугает настоящего схоляра, и он не знает, что делать с предполагаемым произведением

рук своих, как и с этим знанием, позволяющим создавать иную, искусственную, жизнь. Новое невиданное создание страшит университетского ученого, потому что создает обратную связь, заставляя подозревать в искусственном характере и саму человеческую жизнь, и обозначает пределы самой учености. Гомункулус утверждает заменимость человека, делает знание техническим занятием, обнуляет достоинство и какое-либо притязание на уникальность со стороны личности человека.

Отношения в такой новой реальности подчинены алгоритмам, в которых участвуют эти «новые люди». И каким бы сложным ни был алгоритм, он остается алгоритмом, который производит «матрицу», «роботов», «институты», «Левиафана», использующих математический язык как универсальный, не требующий переводчика, который даже чувства или волевые акты, любовь или надежду сводит к математике, физике, химии и инженерии. Рожденный разумом, этот новый человек – рационален и алгоритмичен и в этом превосходит своего создателя и подчиняет логике алгоритма самого создателя. Но его создатель не вполне знает, что делать ему с этой новой тварью и в какие отношения с ней вступать. Он ее опасается, потому что ее возникновение меняет его собственное положение. Этот алгебраический искусственный человек открывает, что мир устроен, как схема детерминаций, описывается математикой, цифры прекрасно позволяют создавать модели и запускать их в мир, пересоздавая его, переиначивая. Этот новый человек успешен, потому что он умеет очень многое – летать, считать с невыносимой быстротой, плавать, развивать скорости, недоступные для мышечной системы обычного человека, обогревать. И он намеревается управлять, поскольку в его руках – огромная информация и умения. Он устраняет неразрешимые проблемы как неразрешимые, отказывается от них как от излишних и равнодушно смотрит на сомнения. Он не болеет извечными вопросами. И он питается неисполненными надеждами самих ученых.

\*\*\*

Так мир философов вырабатывает страх перед собственным детищем – чудовищем Франкенштейна; Гоббс был просто зачарован одним из таких чудовищ – Левиафаном, другие отыскивают все новые их формы – модели тотального планирования или модели снижения риска и повышения безопасности и контроля, которые в силу своей тотальности становятся идеократиями в момент наивысшего своего расцвета. Но надо сказать, что мир не знает общества философов так, как он знает общества буржуа и крестьян. Интуиция Конта о новом обществе ученых так и остается интуицией намечающегося направления движения, но не самого движения и сложившейся формы, а его судьба – символом общей судьбы общества Франкенштейна. Университет, каким бы автономным и самостоятельным он ни был, не составляет отдельной системы и постоянно,

в разные эпохи своего существования, находится под давлением разных сил – церкви, государства, экономики. Тем более мир не знает общества, в котором бы гипотетический искусственный разум играл самостоятельную роль. Университет не замещает прежнее общество, но усложняет его. Искусственный разум усложняет это и без того сложное общество. Но именно потому, что университет является частью усложняющихся процессов, он может быть изменен в ходе социальных метаморфоз. Так, в свое время ученые хотя и не создали отдельного общества, но изменили общества крестьян и ремесленников, войдя в них и преобразовав все существовавшие до сих пор структуры. Университет и ученые не заместили существовавшие до них системы, более того, им сегодня приходится совершать огромные усилия для того, чтобы не превратиться в один из сервисов или функций современного общества, которое именно в силу своей сложности испытывает обратную потребность в упрощении, сглаживании и оптимизации всех процессов, которые протекают в нем. Это выражается в двух процессах, одинаково важных для университета и права: **коммодификации** и **функционализации**. Право в контексте новых обстоятельств и новых потребностей может выглядеть архаичной, нелогичной, противоречивой, произвольной, неэффективной машиной.

### III.

Magna Charta представляет университет как автономную социальную систему – не функциональную подсистему, по Луману, а именно социальную систему, не входящую в другие системы, не составляющую какую-то отдельную суперсистему, а как социальную систему, состоящую из философов в самом широком значении этого слова. Между миром философов и внешним миром находится профессия. Сам университет нельзя определить как профессиональное сообщество. Но университет готовит людей для работы в мире, в других социальных подсистемах для того, чтобы они имели основания для действия в этом мире, во взаимодействии с другими людьми... Или... (здесь ответы разветвляются):

– для того, чтобы быть способными к решению множества проблем, с которыми сталкиваются и которые прямо не вытекают из профессиональной деятельности,

– или для того, чтобы просто быть профессионалами, людьми профессии, посвященными определенному делу, сфокусированными на нем и выполняющими его как нельзя лучше и качественнее.

Но даже в последнем случае докса людей профессии укоренена в университетских ценностях, не в профессиональных структурах. Также надо заметить, что по существу это совершенно разные задачи. Они совмещаются легко только на бумаге, когда создаются дескрипторы профессиональных компетенций, в

которые так легко наряду с профессиональными включаются гражданские и общекультурные компетенции. Но на практике разные компетенции зачастую не совмещаются, а если совмещаются, то с огромным трудом. Даже профессиональные компетенции университет обеспечивает часто с большим трудом, а также с трудом понимает, что же, собственно, необходимо его выпускнику в его профессиональной карьере. Некоторые компетенции очень привлекательны и обладают некой внешней самоочевидностью. К примеру, юрист должен быть хорошим гражданином. Но обладает ли университет ресурсами для подготовки хорошего гражданина? И как университет может на себя брать подобную функцию? Как университет, подчиненный политически и встроенный в рыночные консьюмеристские цепочки, может учить свободе и ответственности? Вероятно, сегодня университет мог бы свидетельствовать больше о несвободе, чем о свободе. И это также могла бы быть одна из его задач и составляющая его миссии.

Профессия – это не университет, она существует за оградой университета. И гражданская жизнь – не университет, она также развивается за университетской оградой. Можно задаться вопросом, могут ли сегодня эти внешние по отношению к университету области развиваться уже без университета. Востребован ли университет как структура, как институт со стороны других социальных подсистем? И если востребован, то как? Очевидно, что многие профессии могут обходиться без университета. Больше, в чем они нуждаются, – в профессиональных школах, которые учат совершенствованию техники. Но ряд профессий, связанных с участием в публичной жизни, а также непосредственно с человеком, связаны с университетом органично и жизненно. Так, очень рано сформировавшиеся адвокатские ассоциации в Англии, давшие жизнь юридической профессии, не являются какой-либо частью университета, они не связаны с университетом напрямую, но созданы людьми университета и укоренены в той культуре, которую невозможно помыслить без университета. Но не все профессии обладают такого рода связью с университетом, а также не все они связаны с публичной сферой и гражданскими практиками. Однако расширяющееся гражданство и ширящаяся культурная революция такого рода связи требуют, они требуют воспроизводства элитарных схем, связывающих институты неэгалитарного общества, в обществе эгалитарном. Обеспечение этих схем в обществе равенства и обществе потребления составляет огромную проблему, потому что требования обращены к университету, выглядят чрезмерными и не могут обеспечиваться в эгалитарном обществе. Более того, такого рода требования неизбежно приводят университет к подчинению другим подсистемам с неизбежной потерей автономии и академической свободы. Можно объяснить это на примере юриспруденции. Право, как никакая другая область, не может развиваться без автономии университетов и автономии профессии, иначе оно неизбежно оказывается частью другой системы, оказывается подчиненным иной нормативности.

Ассоциации адвокатов никогда не заменяли и не могли заменить университетов и заняться самостоятельно воспроизводством все новых поколений адвокатов. Университет и профессия сосуществуют. Но университет не только готовит профессионалов, он занят также работой над созданием предпосылок, которые обеспечивают существование самой профессии. Университеты могут это делать до тех пор, пока сохраняют свою автономию, руководствуются собственной нормативностью, обеспечивая существование профессии созданием не только компетентных юристов, но и среды, в которой эти компетенции распознаются как компетенции и наделяются ценностью.

Существует опыт создания корпоративных университетов, учебный план которых максимально приспособлен под нужды корпорации. Но могут ли такие университеты отвечать за гражданские компетенции, к примеру? Они ли обеспечивают контексты существования профессии?

Такой же вопрос можно повторить и по отношению к политике и гражданской жизни. Могут ли они быть без университета? Очевидно, что да, могут. Но без университета они часто не в состоянии производить контексты, в которых сами оказываются наделенными ценностями.

В области пересечения сфер университета, гражданской жизни, профессии, экономики, политики, идеологии, религии сегодня можно также наблюдать множественные разрывы, возникающие в силу несинхронных процессов, происходящих в области массового гражданства, культурной революции и массового высшего образования. Они не синхронизированы, имеют разную повестку дня. Синхронизация этих процессов не может быть выполнена силами лишь университета.

\*\*\*

«Хороший университет» – это вариант тысячелетней идеи о «хорошем обществе» – нормативный тезис, абстракция, которая взаимодействует с реальностью, не вполне соответствующей этой норме. Идея «хорошего университета» – идея партикуляристская, элитарная, потому что касается не всего общества, но только общества философов, самостоятельно организующего свою жизнь и огражденного от мира принципами академической свободы и автономии. Это сообщество ученых не может стать целым обществом. Потому оно обречено на элитарность или маргинальность в зависимости от того, какое место университету уделяется в той или иной социальной системе. Массовое высшее образование существенно размывает основания автономии университета, подчиняя его новой повестке дня, заимствованной у других социальных подсистем. В этом случае уместно задаваться вопросом о проблеме сохранения университета.

Что именно происходит, когда университет начинает жить в нормативности профессии? Мы сегодня находимся именно в такой ситуации. Массовое высшее

образование означает, что, по крайней мере, часть университета подчинена иной социальной системе – профессии, а это произошло потому, что и профессия, и университет стали областями интервенции экономики, оказались ориентированными на спрос, вынуждены были отказаться, по крайней мере частично, от собственных нормативных оснований. Макс Вебер пишет о политике как о призвании и профессии. Профессия имеет внутреннюю нормативность. И такие составляющие нормативности профессии, как качество, работа, отношение к работе, радость от работы, не находятся в прямой зависимости от дохода, который работа приносит. Доход важен, но он не является определяющим фактором. Он очень важен, поскольку обеспечивает саму жизнь, но он не главное. Даже политик не может стать хорошим политиком, если ориентируется только на выгоду или только на функцию и эффективность. Коммодификация делает незначимыми нефункциональные составляющие профессии и университета.

В процессе коммодификации любая из социальных подсистем может подчинять право или университет собственной программе и нормативности. Такими системами могут выступать религия, мораль, идеология, власть, нация и пр. Так, все время существования Европейского гуманитарного университета в Минске, а затем в Вильнюсе белорусские национальные активисты обвиняли университет в «ненациональном характере». Это один из вариантов коммодификации университета. И все-таки вызов экономической коммодификации является основным сегодня. Финансовые результаты могут выступать основным критерием успеха университета, а его способность к привлечению финансов – основным мерилom его значения и жизнеспособности. Потому современные университеты сами все больше подвергаются бюрократизации, окостенению, схематизации в преподавании, расслоению на очень узкие и специализированные дисциплины и т.п. В этом процессе университет смещается со своего основания и теряет собственное значение.

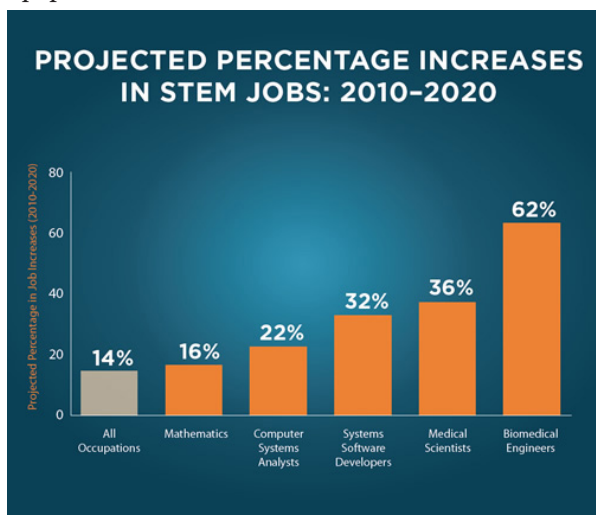
В подобного рода напряжениях складывается историческая модель университета; реальный университет – это не антипод идеального университета, который описан Magna Charta, не его противоположность, а корпорация, погруженная в социальный, национальный, глобальный и исторический контекст, находящаяся в ситуации между нормой и действительностью – в ситуации возможности критического и некритического самовосприятия – и включающаяся во все процессы, происходящие в том социальном пространстве, в котором она пребывает.

Возникновение этого напряжения внутри социальных подсистем и между ними, очевидно, оно носит глобальный характер. Также очевидно, что сегодня мы имеем по меньшей мере две системы на месте того института, который до сих пор назывался университетом: одна – коммодифицированная его часть, являющаяся уже составляющей рынка и подчиненная нормативности рынка, вторая – трансформирующийся собственно университет. Система высшего образования

дифференцируется, часть ее становится сегментом экономики, отдельные ее сегменты будут теснее работать непосредственно с профессией, оказываясь составляющими профессии или иных социальных функциональных структур. Но другие части, которые не могут быть функционализированы или коммодифицированы, имеют шансы стать новыми университетами с новой программой для нового общества. Такой университет – это еще один уровень или сектор высшего образования, обращающийся к существу образовательного процесса вне требований экономической, политической или идеологической подсистем, но с ними взаимодействующий. Это наверняка элитарный проект, потому что по-прежнему обращен к способным людям. Университет, сохраняющий систему отбора и внутренней конкуренции, а также свободы исследования, является такого рода структурой. Какие университеты могут себе это позволить? Какие силы могут обеспечивать существование такого рода университета? Ранее это были церковь, государство. Сегодня это иные субъекты и силы.

\*\*\*

Такого рода новые силы можно разглядеть в областях, в которых происходят сегодня наиболее заметные и существенные изменения в университетской жизни. К примеру, в области, использующей концепцию знания, основанного на точных науках (науке, технологии, инженерии и математике (STEM-based)). Департамент по образованию США располагает и распространяет регулярно примерно такую информацию<sup>7</sup>:



<sup>7</sup> US Department of Education. Science, Technology, Engineering and Math: Education for Global Leadership <https://www.ed.gov/stem>

Подобные тенденции – следствие социального заказа, который не просто отсекает и удаляет на периферию менее престижные направления, но стремится перестроить систему науки и образования. Право, как и другие социальные и гуманитарные науки, оказывается менее востребовано по сравнению с точными науками. Но это не главное. Подходы доминирующих направлений распространяются на все иные. От права также ожидают, что оно будет более эффективным и точным. Но оно может быть таковым только до некоторых пределов. Вместе с тем сами точные науки в своем развитии приходят к тому, что сталкиваются все-таки с нелинейными процессами и нуждаются в их понимании, а также в адекватном включении тех знаний, которые они несут в мир людей, в понимании его различий, особенностей, уникальных притязаний людей, их особых миров. От обстоятельств, связанных с особенностями мира людей, можно отстраниться, но невозможно отстраниться без последствий, его можно признать бесполезным, но нужда в нем возвращается в самый неподходящий момент.

Люди профессии сталкиваются с тем, что, если они предстают лишь профессионалами, подчиненными простым или сложным алгоритмам профессии, это пространство оказывается слишком узким для них. И они сталкиваются с неожиданными препятствиями, указывающими на искусственный и неверный, по существу, образ мира профессии, ограниченный лишь профессиональными функциями. Они сталкиваются с миром чудовища Франкенштейна, в котором не могут жить. Можно наблюдать это в самых неожиданных местах. К примеру, в образах современных юристов, выведенных в сериале «Съютс». Эти юристы – сугубо профессионалы, они решают практические вопросы и направлены на эффективное решение дел, на выигрыш, на успех, на прибыль, на успех личный и успех своей компании. И делают они это разными способами, в том числе на грани законности или уже за ее гранью. Но то и дело они сталкиваются с принципами, неэкономическими, нефункциональными, не сулящими прибыль, которые обнаруживаются внезапно и которые далеко отклоняют их от этой простой схемы экономизма, прагматизма, от знакомых алгоритмов. Так сценаристы фильма обнаруживают, что право – это система, но никак не схема, не формула и не алгоритм, что в праве есть место нелинейным процессам. Это удивительное явление, обнаружение такого рода принципов и нелинейности – и в профессии, и в университете. Общество в своем многообразии и притязания отдельного человека производят их, изоляция и формализм их убивают. Право, превращаемое в функцию, в алгоритм и инструкцию, оказывается нечувствительным к иным нормативным системам, оказывается неспособным к гибкому взаимодействию с другими подсистемами и часто совершает интервенции в другие саморегулирующиеся нормативные системы, подавляя их. Оно неспособно к рефлексии относительно самого себя.

Право может быть представлено как система алгоритмов, техника, один из элементов точных наук, но тогда оно пугающе быстро перестает служить чело-



веку и миру человека. Но также и точные науки грозят выйти из-под контроля человека, если теряется человеческое измерение в них. Именно потому произошедший поворот в высшем образовании в области естественных наук составляет основу и для позитивных изменений в социальных и гуманитарных науках и праве, позволяет переосмыслить границы между дисциплинами и перейти к такой модели образования, в которой значимыми являются не объекты, а отношения, в том числе и отношения между дисциплинарными областями. Новое дыхание и значение гуманитарных и социальных наук может быть обусловлено как раз развитием STEM-области, которая уже испытывает и будет продолжать все больше нуждаться в гуманитаризации.

\*\*\*

Американский преподаватель права Ричард Зюскинд – один из немногих, кто озабочен в настоящее время все более растущим влиянием новых информационных технологий и искусственного разума на право (Susskind 2007). Он задумывается над вопросом: а возможно ли передоверие разрешения юридических вопросов машинам, которые могут представлять грандиозные экспертные системы? С одной стороны, такие предполагаемые экспертные системы способствуют, как и все информационные технологии, лучшему и более эффективному способу использования человеческого знания – более полному и объемлющему, с большим числом задач и охватом большего числа факторов, расширению, в конце концов, способностей человека. Для профессии юриста это означает предположительное достижение большей справедливости, беспристрастности, более устойчивого порядка, основанных на совершенно новом качестве информации и способов ее обработки. С другой стороны, именно в этой области юриспруденция сталкивается с почти неразрешимыми проблемами и вызовами, проистекающими из существа человеческой природы. Потому что доминирование экспертных систем в решении человеческих вопросов означает устранение самого человека и его права на ошибку. Построение такого рода юридических экспертных систем, кроме того, сталкивается с объективными проблемами, связанными с необходимостью замены права как «тела» и даже как «системы» правом, построенным на принципе алгоритма. Здесь неизбежно обнаруживается недостаток знаний у инженеров. Дифференциация знания уже в самой науке приводит к непереводаемости и значительному непониманию между отдельными областями знания. Вы почти не встретите среди компьютерных специалистов выдающихся и даже не очень выдающихся юристов, юристы же, в свою очередь, мало занимаются компьютерными технологиями. Кроме того, среди юристов не так много тех, кто способен стать отцом или матерью юридической экспертной системы, поскольку большинство из юристов понимают, что юриспруденция не представляет собой линейную и алгоритмическую систему. Потому что чаще

всего юридический опыт не переводим на язык алгоритма и не может быть до конца систематизирован. Существовавшие до сих пор правовые кодификации полны противоречий и разночтений. И даже если предположить, что такие родители у системы появились бы, они бы столкнулись именно с отсутствием методов и инструментов для перевода своего опыта на язык программ и алгоритмов. Это не означает, что такого рода системы невозможны и что их нельзя создать. Очевидно, что мы можем столкнуться с их появлением. Можно предположить, что появление такого рода машин покоилось бы на волевом властном решении, а не на очевидности их пользы. Безусловно, тогда также встал бы вопрос о контроле за качеством работы такой системы. Контрольная система должна быть устроена не менее, а часто – и более сложно, чем система, которую она призвана контролировать. Создание такого рода контрольной системы – еще один грандиозный вызов для развития информационных систем в области юриспруденции. И еще один важнейший вопрос – это легитимация такого рода информационных систем.

\*\*\*

Итак, миры университета и профессии не тождественны. Их связь нуждается в особой настройке, в особых предпосылках, которые не существуют вне огромной работы по их воспроизводству и поддержанию. Университет может существовать лишь для себя, поскольку не является функциональной системой, профессия может отрываться от университетского основания, рынок может не нуждаться в философах. В мире, подчиненном какой-то одной нормативности, могут обнаруживаться «избыточные» элементы, сам университет или целые области занятий могут быть таким избытком, равно как парламент или конституция. Но этот избыток существует только в определенной системе измерения. В другой системе измерения его не существует. Потому так важно удерживать состояние конкуренции и взаимодействия различных нормативностей и систем измерения.

Нефункциональные системы, такие как университет, не возникают в ответ на какие-то специальные нужды, они связаны со структурами сознания человека, и потому их невозможно полностью функционализировать – для них функционализация означает насилие и значительное упрощение и, что гораздо более важно, потерю собственного значения. Так, религия в процессе функционализации превращается неизбежно в идеологию, юридическая профессия – в политическую и чиновничью, профессор – в делового человека, бизнесмена.

Кроме коммодификации знания университет всегда обеспечивает воспроизводство контекстов, которые поддерживают ценность знания. Также университет обеспечивает космополитическую позицию любого лица и структуры, тем самым любую из национальных структур помещая в универсальный контекст. Это не

обязательно международный контекст, и даже прежде всего не международный контекст. Университет ставит властные и национальные структуры перед подлинным космополитизмом – космополитизмом личности, и отдельного человеческого существования, и мышления, которое больше любой национальной или коллективной и функциональной структуры и любого публичного или частного интереса. Более того, сам университет обеспечивает непрерывный диалог и сопоставление разных позиций, а также и выработку универсальных подходов к решению задач, как, впрочем, и к постановке проблем. Относительно юриспруденции университет, главным образом, обеспечивает понимание права, возможности его интерпретации и адаптации к другим системам. Если университет ослабляет это нефункциональное начало, он также рискует столкнуться с неподвижными вопросами и проблемами, причем самым неожиданным образом.

Функциональные системы и подсистемы, хотя и нуждаются в университете или в использовании университета, как, к примеру, нуждаются они в религии, или искусстве, или праве, – не могут, тем не менее, включить в себя полностью ни одну из нефункциональных систем – ни университет, ни религию, ни право, ни искусство. Но они могут пытаться это сделать. Функционализация и коммодификация университета – два существенных вызова сегодняшнего дня. У нефункциональных систем их существо не подчиняется «общественным потребностям и интересам». Если же они все-таки подчиняются коммодификации и функционализации – они рискуют столкнуться в своей ученой или профессиональной жизни с кризисом, проистекающим из нефункционального существа университета или юриспруденции. Жак Деррида в «Принципе разума. Университет в глазах его учеников» описывает университет как такую организацию, которая способна к производству знания и вовлечения его в человеческую, в том числе профессиональную, жизнь. Но такой университет возможен, только если он является нефункциональной системой. Там, где видится рост и усиление функционализации университета, наступает, напротив, закат и потеря оснований и какого бы то ни было значения университета. Потому что вести бизнес и осуществлять профессиональные функции могут другие структуры, не университет – другие делают эту работу лучше университета.

Нельзя преувеличивать значение профессии в обеспечении гуманитарных оснований. Эксперимент, связанный с возможностью профессии гуманизировать человека, ставила Симона Вейль. Ставила на себе, занимаясь тяжелым фабричным трудом, ожидая благого эффекта. После нескольких лет такого труда Симона Вейль полностью разочаровалась в его возможностях. Ее заключение: по-прежнему гуманизм не проистекает из факта труда, тяжелая работа не облагораживает сама по себе. Без обращения к существу знания – к мысли и смыслу, данных не как голая теоретическая схема, но как практика ума и проблематизация этого опыта, – профессия (любая) оказывается неполноценной, не удовлетворяет человека, но способна на какое-то время отвлечь и развлечь его.

Отчасти язык современных дескрипторов, описывающих университет как организацию, сообщающую студенту профессиональные компетенции, пусть и самые разнообразные, – отражает видение университета как функциональной структуры, обеспечивающей главным образом профессиональные компетенции.

\*\*\*

Юридические факультеты вырабатывают методы изучения языка и норм – для разрешения конфликтов и поддержания коммуникаций. Но на каких основаниях и исходя из каких принципов они это делают? Они производят ассоциации и вырабатывают представление об автономном характере права и о лице вне функционального статуса. Они производят не только профессию, но определенную культуру, в которую погружена профессия, а также воспроизводят определенный образ мира, охваченный нормами и правилами, но более всего – пронизанный возможностями свободы, обеспечиваемой как раз ограниченным нормативным регулированием. Они заняты часто забавными вещами, но они, и только они, являются хранителями и производителями знания, понимания и вырабатывания смыслов. Университеты и юридические факультеты должны как никто иной ощущать изменения внешней среды и осознавать, что происходит с ними самими. В этом также работа университета, но он не всегда на такую работу способен. Вот пример выражения такой способности к ограничению, которую демонстрирует юрист-практик. Судья Скалия замечает: «Когда... я (судья Верховного суда США. – О.Б.) принимаю общее правило... я не только ограничиваю суды низшей инстанции, я сдерживаю себя. Если в следующем кейсе встретятся отличающиеся от моих политических или личных предпочтений факты и они окажутся в отношении результата совершенно противоположными, я не смогу потворствовать этим моим предпочтениям; я буду держаться руководящего принципа» (Scalia, Gutmann, 1997). Это нефункциональная и нелинейная концепция, возможная лишь в сформированных культурных контекстах, которые предоставляют и ключи, и смыслы такого рода позиции. Изнутри права как профессии эта позиция судьи необъяснима.

В ситуации диктата функционализации юристы-практики, тем не менее, искренне пишут о том, какое влияние на них оказывает теория и университет. Даже если часть из них отвергают такого рода значение и прямое влияние, то судейская практика свидетельствует о другом. В США половина решений Верховного суда содержит ссылки на ученые статьи. Обильное обращение к юридической науке содержится и в решениях Европейского суда, а также в решениях конституционных судов. Они обращаются к юридической литературе, хотя, конечно, читателями ученых статей является очень небольшое число людей. Но ученые статьи достигают, таким образом, своей аудитории. Они обращаются к

индивидуальным кейсам. Это адресное обращение к области, которая развивается по своим внутренним законам, возвращает профессию к собственным основаниям и создает потребность в науке права, которую профессия не может производить. Экономизация университета и профессии приводит к еще более сложному характеру взаимодействия практики и университета, но не отменяет такого взаимодействия. В Восточной Европе, наверное, это расхождение между практикой и университетом носит наиболее драматичный характер, поскольку университет максимально дистанцирован от публичной жизни, является субъектом экономических отношений и часто, в еще большей степени, политических отношений, является слабым во всех смыслах, подчинен одновременно политическому заказу и в наименьшей степени самостоятелен. И здесь Восточная Европа снова оказывается передовой областью, испытывающей глобальные процессы в их самой острой и радикальной форме. Она сталкивается с наиболее продвинутым процессом социальной жизни с максимально ослабленным участием нефункциональных структур, в том числе университета, в образовании социальных практик и систем.

\*\*\*

Культура и правовая культура постоянно заматаются песком варварства или же сами подвергаются эрозии изнутри. Они требуют творчества и постоянного труда по возобновлению и обновлению. К примеру, только 15 из 100 студентов американских юридических факультетов читали сборник «Федералист». У студентов-юристов в Восточной Европе вообще нет каких-то исходных правовых текстов, которые бы сообщали им определенный вкус и нефункциональные установки в области права. Такими текстами не являются ни конституции, ни какие-то выдающиеся учебники или монографии. К классическим же текстам отсутствуют ключи. Конституции лишены той значимости, которая укоренена в практической мудрости, ценностях и убеждениях. После социализма на место таких текстов пытаются поставить международное право и право прав человека, но это часто выглядит натяжкой и сродни очередной идеологии, поскольку обоснование верховенства международного права мифологизировано и идеологизировано.

По-иному лишь там, где юристы оказываются погруженными в практику – каждодневную рутинную практику, в которой они встречают различные притязания и испытывают нужду в инструментах и критериях разрешения ситуации, где они сталкиваются с притязанием отдельного лица и множеством несовпадающих притязаний. Тогда они испытывают нужду не столько в профессиональных компетенциях, не столько в алгоритмах, сколько в контекстах, в которых и сама ситуация, и их профессия наделяются хоть каким-то смыслом. Тогда перед ними возникает серия вопросов, на которые у самой профессии нет ответов: к примеру, на основании чего осуществляется интерпретация закона

судьей или просто юристом? И здесь возникает понимание, что опыт, которым располагает судья, произведен научением, но также и нуждой в принципах, и основаниях, и контекстах профессии. Юрист не должен приобретать этот опыт заново и заново. Контексты должны иметь длительное существование. И в практике они обнаруживают грандиозное здание права как системы, даже если оно не достроено или подверглось разрушению; они обнаруживают, что это здание покоится на науке права, на университетской доктрине, и на работе по созданию контекстов и смыслов, которую делает университет. Так, даже не стремясь к теории, практики обнаруживают теорию. И так поддерживается устройство мира, в котором право и университет обладают собственным местом и не стремятся чрезвычайно расширяться, вплоть до пределов разумности и эффективности.

Так практика и профессия ставится лицом к лицу с проблемами, которые может разрешать лишь университет. Но университет должен обладать чуткостью именно к действительным проблемам профессии, оставляя ее профессиональные функции ей самой, не претендуя на них и не присваивая их себе. Равно как и профессия должна видеть свои собственные пределы, например как это происходит в области определения санкций за преступления, в том числе смертной казни. Наказание и кара за преступления – это не прерогатива юристов-профессионалов, это прерогатива народа, прерогатива политического решения народа, это не решение, которое может быть сделано профессионалами, людьми юридической профессии, это даже не решение судей, не правовое решение. Юристы следуют за общим волеизъявлением относительно санкций, хотя сами могут быть противниками тех или иных санкций. Право экспериментирует: создает конкретные и дискретные правила или же общие принципы или балансирующие тесты, с тем чтобы ограничить судебное усмотрение в решении юридических вопросов или, напротив, ослабить предельную жесткость права, обратившегося к алгоритмизации. Но там, где существует невероятная вариативность, – там место политики, политическое решение не должно заменяться экспертным мнением. И право должно уступить в этом случае место политике, признав за ней ее область. На политику право может действовать, лишь занимая свое собственное, свойственное ему место. Создание контекстов, в которых возможно такое взаимодействие между политикой и правом, – дело университета. Право должно основываться на собственных правилах, воздерживаться от проникновения в другие области и не заимствовать принципы из других социальных субсистем, особенно функциональных систем. Политическая система имеет собственные механизмы регулирования, экономика – свои, мораль обладает собственной областью регулирования, и до тех пор, пока они работают, они не должны заменяться правовыми. Право необходимо лишь в области, в которой оно эффективно и в которой оно основано на собственных правилах. Такая же линия аргументации обнаруживается, к примеру, в области понимания значения и юридической силы международного права. Международное

право верховенствует, потому что внешняя политика – прерогатива власти, чаще всего – исполнительной, и потому суды должны де-факто принимать обязательность тех решений, которые принимаются правительством во внешней политике. Равно как и права человека обязательны в силу того, что существует человек и существует консенсус по поводу того, кого считать человеком. Это социальный и политический консенсус, не экспертное мнение. Университет выработывает необходимые условия для этого консенсуса, который остается изменчивым и подлежит коррекции.

\*\*\*

Если университет является не только коммодификатором, его все равно настигают вопросы финансирования. Кто же обеспечивает существование университета? На каких условиях? Какой статус имеют преподаватели? Может ли университет существовать за счет платы за обучение студентов? Имеет ли право университет на часть публичных финансов?

С вопросом о финансировании связана и проблема размера университета. Должен ли университет расширять бесконечно свой рынок? Эффективна ли конкуренция между университетами? Что достигается в результате такой конкуренции? Каковы действительные ожидания общества от университета?

Очевидно, что при неясности ответов стоило бы поддерживать по крайней мере разнообразие предложений на рынке, а также разнообразие учебных заведений через непрекращающийся эксперимент и вариативность в этой сфере. Иными словами, нужно много правовых школ и нужно множество специализаций. Университеты в Восточной Европе нуждаются в двух или трех направлениях развития. Одно – это путь почти нереформируемых больших структур, обладающих колоссальной инерцией, это университеты, насчитывающие тысячи преподавателей и десятки тысяч студентов, финансируемые из государственного бюджета и выполняющие определенный социальный и политический заказ. Второе направление способны поддерживать лишь небольшие экспериментальные площадки, обладающие автономией. Одной из таких площадок, к примеру, является ЕГУ. В таком университете все может происходить быстрее и эффективнее, он острее воспринимает и переживает все основные вызовы, которые стоят как перед профессией, так и перед университетом, и вместе с тем испытывает на себе быстрее и все негативные тенденции современного высшего образования. Такие площадки не могут изменить ситуацию в образовании глобально, но они оказывают громадное косвенное воздействие, обеспечивают альтернативу и вариативность, разрушают корпускулярность системы, делают возможными гибкие и постепенные изменения. Третьим типом могут быть кооперативные цепочки, объединяющие университеты на уровне программ и отдельных команд, сотрудничающих и объединяющих ресурсы и усилия.

На самом деле, именно на таких площадках, как ЕГУ, происходит решение сложных вопросов, стоящих в том числе перед нацией: выясняется, чему учить студентов, желающих стать юристами, что такое современное право, кто такой юрист, делающий свою работу в Беларуси, как развивается современное право и в национальных границах, и за их пределами, где находятся горизонты его развития, как оно справляется с современными вызовами, глобальными и национальными. На таких площадках происходит формирование не только ответа на запрос, но и самих запросов и определяется возможная форма университета.

\*\*\*

Как управляются школы права – еще один вопрос. В Восточной Европе отсутствует класс профессиональных и сведущих менеджеров в области образования и науки. Даже коммодификация университета пока не приводит к становлению класса такого рода управленцев, что отнюдь не способствует успехам университетов и на рынке. Университеты управляются собственными чиновниками, отбираемыми из числа преподавателей и ученых, что еще раз подчеркивает уникальность такого рода институтов, но вместе с тем усиливает кризисный момент.

Существует также связанный с проблемой менеджмента вопрос, как отбираются преподаватели. Насколько престижной является позиция ученого? Отсутствие действительных конкурсов, механизмов действительного отбора, кризис университета, неочевидность его социального места и ценности не способствуют привлечению в университет самых способных. Именно отсюда происходит и проблема ограниченной способности так называемого академического сообщества образовывать смыслы – или хотя бы обозначать тенденцию к символическому господству. Зачастую университет забывает о том, что образование – это не только подготовка студентов, это также и подготовка преподавателей и образование самой структуры университета. Это обстоятельство часто находится в тени. Но подготовка преподавателей и ученых требует не меньшего внимания, чем профессиональная подготовка.

Юрген Хабермас как-то заметил, что институции не базируются на идеях и ценностях, они – продукт техники. Он повторяет это утверждение вслед за Максом Вебером, открывшим явление современной бюрократии. Функционализм этих институтов зависит как раз от их способности отделить мотивы и чувства и индивидуальность их членов от функций организации в целом. Потому Хабермас повторяет постоянно тезис об узости жизненного мира. Но в таком случае возникает вопрос: чему, какому миру принадлежит университет? Как далеко он продвинулся в сторону становления в качестве одного из институтов? Какие ценности, которые не подлежат коммодификации и только поэтому способны оказывать влияние на жизнь, университет действительно сберегает?



Осуществляет ли университет социализацию? Как он это делает? Насколько значимы механизмы социализации, которыми располагает университет? Насколько университет является генератором современной культуры, учитывая происходящую коммодификацию? Насколько университет является областью, в которой происходит становление гражданской и еще более широкой – космополитической позиции человека? Что делать, если оказывается, что ценности теряют свое значение?

Эти вопросы остаются открытыми.

### Литература

- Alain de Lille (Alanus de Insulis). *Anticlaudianus: The Good and Perfect Man* / trans. James J. Sheridan. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1973.
- Bryant, S., Milstein, E. *Shalleck*. Transforming the Education of Lawyers: The Theory and Practice of Clinical Pedagogy. Carolina Academic Press, 2014.
- Finkelstein, G. W. *Emil Du Bois-Reymond*. Neuroscience, Self, and Society in Nineteenth-century Germany. MIT Press, 2013.
- Harper, S. *The Lawyer Bubble. A profession in Crises*. NY: Basic Books, 2013.
- Palmer, P., Zajonc, A., Scriber, M. *The heart of Higher Education: A Call to Renewal*. Jossey-Bass, 2010.
- Qualifications Framework of the European Higher Education Area. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ehea.info/cid102842/qualifications-frameworks-in-the-ehea-2009.html>
- Scalia, A., Gutmann, A. *A matter of interpretation: federal courts and the law: an essay*. Princeton University Press, 1997.
- Stolker, C. *Rethinking the Law School. Education. Research. Outreach and Governance*. Cambridge, 2014.
- Susskind, R. *Transforming the Law*. Oxford, 2007.
- The Magna Charta Universitatum / <http://www.magna-charta.org/magna-charta-universitatum>
- Берман, Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-М; Издательство МГУ; Норма, 1998.
- Деррида, Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. № 6. 2003.
- Кельзен, Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: Алет-Пресс, 2015.
- Рулан, Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000.
- Набоков, В. Облако, озеро, башня // В. Набоков. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1990.
- Хайдеггер, М. Самоутверждение немецкого университета // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
- Харт, Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
- Чехов, А. Рассказ провинциала // Чехов А. Собрание сочинений в 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977.